

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 800.872 + 802.0 + 808.2

Т.Б. Банкова

ДИАЛЕКТНОЕ СЛОВО: МАТЕРИАЛЬНОЕ И ДУХОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Исследуется реализация в значении диалектного слова материального и духовного компонентов.

Специфика диалектного слова как знака в семиотическом понимании заключается в единстве культурного и языкового бытования. Если культура традиционно понимается как материальная и духовная по типу воплощения, то и слово, тем более диалектное, исконное, несет в своей природе оба эти компонента культуры.

Материальное, как правило, связывается с вещным миром, который является продуктом цивилизации. По степени представленности объектов материального мира ведется счет уровня развитости общества. В противовес цивилизационной традиционная народная культура складывается в непосредственной зависимости от внешних природно-климатических, социальных и прочих условий. Она выстраивается на консервировании тех приобретенных, присвоенных, адаптированных и помещенных в обиходную жизнь вещей, предметов, которые составляют необходимый материальный минимум для сохранения и продолжения жизни. Этот набор составляющих материальное благополучие не имеет тенденции к количественному расширению родо-видовых параметров, напротив, через наделенность потенциальными воспроизводится в различных ситуациях, составляющих бытийную сферу жизни коллектива и каждого его члена. Таким образом традиционная культура противостоит натиску цивилизации, выставляя заслон в виде универсальной (полифункциональной) семантики вещей. «Вещный мир относится к категории универсальных культурных текстов, полиинформативно представляющих особенности быта, традиций, идей, ценностей того или иного этноса» [1. С. 22].

Вещно-предметный мир крестьянина – это своеобразный космос, за которым архаическое сознание закрепляет представления обо всех совокупностях миропорядка. Он являет собой пределы конкретизации и абстрагирования национального образа мира. Наряду с культурно-языковым содержанием это еще одно диалектическое единство, которое реализуется в диалектном слове.

Крестьянское сообщество вырабатывает в качестве регуляторов эталонные представления о должном и сущем, совершая прорывы в сферы абстрактные. По законам крестьянского аскетического консервативного существования эти абстрактные представления закрепляются за конкретными предметами. Например, граница как одна из важнейших опор в самоидентификации традиционного коллектива и его отдельного представителя являет собой высокий уровень абстракции в связи с полифункциональностью данного понятия. Эта абстракция включается в сугубо материальную жизнь сообщества через табуирование (мораль, система заповедей), в духовную же сферу – через проигрывание,

т.е. условное, игровое перебирание вариантов воплощения представлений о полярности мира. Такие локусы крестьянского дома, как дверь, порог, окно, изначально призваны отгородить «свой» мир от враждебного «чужого». В процессе проигрывания пограничной ситуации в ритуале (обряде) эти функции экстраполируются на не предназначенные для обозначения границ предметы. К их числу относятся лавка, стул, стол, которые передвигаются со своих привычных (бытовых) мест и таким способом наделяются духовными (сакральными) свойствами. В этой ипостаси данные предметы обихода в контексте обряда несут доминантное представление о границе, реализуя конкретное воплощение абстрактного понятия.

Такова же судьба потолочной матки в условиях перевода ее из функции опоры для настила потолка в материальном мире в границу между двумя половинами избы в контексте обряда (ритуала). Именно функцию опоры актуализирует Вершининский словарь: «балка, поддерживающая потолочный настил». *Матка – вот стена и вот стена, а тут бревно кладется толстое. Сейчас замазано, а раньше видно было. Высота ниже была* (Том. Том.) [2. Т. 3. С. 281]. В значении анализируемого слова изначально заложена сема протяженности: балка (бревно) имеет длинную вытянутую форму. В буквальном смысле она делит дом на две половины. Данная функция порождает в сознании носителя крестьянской культуры образ границы, которая членит пространство внутри дома и поляризует земные и космические пределы: *Раньше приходят сватать, да ещё с волшебством. Приходят и под матку садятся: “Пришли к вам с добрым делом, со сватаньем. У вас невеста, у нас – женишок”. Тогда, если согласны, то сосватают* (Том. Кож.).

«Вещи, пройдя стадию социализации, будучи включенными в общественно-ценностную иерархию, становятся элементом культуры-бытия, символами, культурными знаками, а значит, частью семиосферы наряду с языковыми (словесными) знаками, именуемыми эти вещи» [3. С. 199].

В процессе социализации за вещь закрепляются межпоколенные коллективные представления, которые складывались параллельно с культурным освоением мира этносом. Таким образом, языковой знак, являющийся манифестантом укорененного в жизнеустройстве крестьянина предмета, становится и выразителем особого мировидения, медиатором ментальных сущностей. В фактах номинации происходит оязыковление ментальных структур, что проявляется в отборе лексических единиц, называющих сущности профанного

мира, переводе их в сакральную сферу, т.е. превращении в обрядовые.

Номинации материальных объектов организованно-го вещного «космоса» крестьянской избы, вовлеченных в обрядовую жизнь сибиряков, можно разделить по нескольким тематическим группам.

Тематическая группа «Внутреннее пространство дома»: дверь, передний угол, кут, матка, окно, печь, печка (русская печка), пол, половица (плашка), порог.

Тематическая группа «Мебель и убранство дома»: божница (божничка), зеркало, ковёр, кровать, лавка, матрас, наволочка, одеяло, перина, подзор (подзорник 'оборка, кружевная кайма, идущая по краю чего-л.'), подушка, покрывало, полотенце, полог, скамья, скатерть, стол, стул, сундук, табуретка, ящик.

Тематическая группа «Посуда»: блюдо, блюдце, бутылка, горшок, квашня (квашонка), кружка, ложка, поднос, рюмка, тарелка.

Тематическая группа «Хозяйственная утварь»: веник, гребень, корыто, кочерга, мутовка, самовар, свеча, сковородник.

Данная тематическая классификация является фиксацией сугубо материальных реалий крестьянского мира, а толкование их бытовых значений можно найти в любом диалектном словаре. Например, в Вершинском словаре – ЛАВКА. Скамья для сидения. – *Деревянные кровати, лавки, шкапы. Лавки кругом и стол* [2. Т. 3. С. 205] – в словотолковании актуализирована бытовая (профанная) функция предмета.

Обрядовая жизнь крестьянского сообщества предъявляет иные требования к материальному миру, коллективное сознание «договаривается» о новой функции вещи в обрядовой ситуации, что, естественно, отражается на семантическом объеме лексемы, ее называющей. В этой связи по-иному прочитывается значение слова *лавка*. Обозначая предмет, выполняющий функцию условной границы между «своим» и «чужим» в эпизоде согласия/несогласия невесты вступить в брак, слово актуализирует эту новую функцию (обрядовую, сакральную) в своем значении. ЛАВКА. Предмет мебели крестьянской избы, выполняющий функцию границы во время сватовства: *Раньше невеста ходит по лавке, жених снизу стоит, юбку держит. Невеста приговаривает: «Хочу – скачу, хочу – нет»* (Том. Зыр).

Перевод из профанной сферы в сакральную сопровождается как невербальными средствами (украшения, замещения, передвижения с постоянного места и проч.), так и вербальными: формируется терминология обряда (собственно сакральная лексика), привлекаются специальные словесные определители, кодификаторы обряда к характеристике обыденных предметов (потенциально сакральные лексемы), часть предметов обихода помещается в структуру обряда и наделяется в этом случае особым содержанием (ситуативно сакральная лексика) [4]. Таким образом, ♦ *ходить по лавке* обозначает 'находиться на границе перед принятием решения согласия/несогласия на брак (о невесте)'. Весь этот арсенал средств имеет целью вывести участников обряда из сферы бытовой эмпирики в круг особых смыслов, наделенных сакральным содержанием.

Таким образом, предложенная выше тематическая классификация материальных предметов, в основе ко-

торой их «бытовая» жизнь, должна быть преобразована в новую, отражающую особенности функционирования «вещи» в обряде. Справедливость такой трансформации подтверждается мыслью Ю.С. Степанова, что «слово и ритуальный предмет, слово и мифилогема и т.д. могут особым образом семантически совмещаться – выступая заместителем или символизатором одного другого» [5. С. 74]. Это процесс ученый называет «синонимизацией вещей и слов», которая, в свою очередь, становится «одним из важных принципов группировок слов и “вещей” в новых представлениях о культуре – наряду с группировками по принципам “полей”, рядов, тематических групп и т.д.» [5. С. 74].

Основой классификации лексических единиц, номинирующих вещный мир обряда по принципу группировки «слово-вещь», становится выделение функции обозначаемых ими предметов в обряде. Такими функциями являются следующие: граница, дары, прогнозирование, согласие/несогласие, соединение, статус, пожелание, демонстрация, оберег и др. Они реализуются в одноименных семах лексических единиц, обозначающих материальную часть обряда. В свою очередь, названные семы являются основой формирования обрядового значения слова. Кроме того, «вещная» лексическая единица может менять значение в зависимости от этапа, локуса и пр. в обряде. Так, например, лексема *полотенце* имеет сему «статус» (*Када возьмут дык наискосок завяжут полотенце, и знают все, что это дружка. Дружки – колдуны. Знат, како молитвы, чтоб не испортили* (Кем. Промышл.)); «демонстрация» (*На подушку ткали красивые наволочки... Молодые девки всё тогда умели: и ткать, и прясль, и вязать. Молодуха свои полотенцы должна повесить у свекра. Вот приходит в мужнин в дом и украшает полотенцами. На зеркало вешит, на карточки, иконы. Вышитые, с кружевами* (Том.Зыр)); «согласие» (*Родители раньше благословят, тогда девка замуж идет. На рукобитье одевали полотенце на руки жениха и невесты* (Том.)) и др.

Одно и то же обрядовое значение (согласие, соединение, граница и пр.) может быть выражено разными единицами.

Так, сему «соединение» (в свадебном обряде четко прослеживается первоначальное противостояние семей жениха и невесты) несут лексические единицы всех четырех тематических групп. Ведущую роль здесь играет «вещь-слово» *стол*, за которым принимают важные решения и во время свадебного пира происходит окончательное соединение родственников брачующихся, они становятся свояками. Отсюда и устойчивые выражения, обозначающие проведение свадебной церемонии по всем устоявшимся канонам: ♦ *вывести из-за стола, выйти (замуж) из-за стола* 'выйти замуж, жениться с соблюдением всех ритуальных предписаний': *Раньше ить надо выставить знаешь, какие закуски? Ежли есть у родителей деньги, дак её из-за стола выведут, а ежли нет, так убёгом или замуж* (Том. Том.); *Мне тятя сказал, одна у меня дочь, только из-за стола замуж выйдешь* (Том. Мол.); *Вот на масленну я её из-за стола и вывел* (Том. Зыр.). Лексема *стол*, обозначающая предмет, становится основой для метонимического переноса, а затем для наименования

эпизодов свадебного застолья, призванных также соединить гостей в едином свадебном пире (*большой стол, малый стол, даровой стол, княжский стол, князев стол, молодухин стол, стряпкин стол, похмельный стол*): *Делают свадьбу – обручение. Жених со свахой приезжат за невестой. Когда приедут – за стол. За большой – гости, за малый – молодых* (Кем. Бел.). Таким способом через кодификаторы (прилагательные-определители) дифференцируется общая сема «соединение». Крестьянское сознание актуализирует через них представление о смысловой доминанте свадебного пира: *княжский (князев) стол* – пир в доме жениха, *молодухин стол* – в доме невесты на второй день, *стряпкин стол* – застолье последнего дня с последующими проводами стряпки. Следовательно, кодификаторы являются средством преобразования общей абстрактной семы в набор конкретных ее воплощений.

Преобразование общей семы может происходить как через кодификатор-определитель, так и через акциональный кодификатор. Например, ♦ *ставит самовар* означает наступление времени принятия важных решений, а также начало экономических переговоров между сторонами. Сигнал *ставит (самовар)* в эпизоде рукобития обозначает согласие невесты на брак, начало переговоров сторон, а также первый этап в процессе соединения двух семей: *Жених матери понравился. Я только матери говорю: «Мама, ставь самовар»... За стол, да высватали* (Том. В.-Кет.); *Собираются сперва, советуются, пьют маленько. Своих приглашают на совет, заходит сваха, садится под матку. Спрашивают невесту, желает ли пойти, если желает, то ставят самовар, чаем угощают* (Том. Карг.).

Во время свадебного обряда в различных функциях чаще всего использовалась посуда как полифункциональный предмет. «Одним из основных свойств посуды является её амбивалентность или даже поливалентность: посуда, будучи полый, может принимать в себя любую сущность, она – оболочка с вариантным содержанием» [6. С. 155].

Физические свойства посуды позволяют использовать их в различных обрядовых ситуациях с целью закрепления абстрактных представлений за сугубо материальными предметами. При этом актуализируется в каждом конкретном случае её определенное свойство. Так, универсальную сему посуды, производную от ее формы, можно определить как «вместилище»: ёмкость и плоскость. Именно внешний вид как самый явный из свойств является доминантным в определении базовой семы. Остальные семантические составляющие являются производными от неявных, но существенных свойств этой группы предметов. Они актуализируются через акты, манипуляции над предметами. Посуду можно наполнять-опустошать, реализуя в этих невербальных процедурах абстрактную оппозицию *полнота/пустота*. Посуда имеет такое физическое свойство, как хрупкость. Оно также используется в обрядах в невербальных актах: её разбивают (бьют), хлещут. Таким способом толкуются абстрактные понятия *цельности/разъятости*. В условном мире обряда актуализируется такое свойство посуды, как легко реализуемая способность быть перемещаемой. Изменение её пространственного положения обеспечивается тем, что

посуду кладут набок (стакан, кружку), переворачивают вверх дном (стакан, рюмка), выносят (блюдо, тарелку), ставят (бутылку) и тем самым наделяют в каждом акте новым духовным содержанием.

Плоская, необъемная, открытая по форме посуда предназначена для выноса чего-л., а также для выкладывания на неё каких-либо предметов, т.е. сама её форма порождает сему «демонстрация». Так, сугубо «выносным, демонстрационным» предметом является *поднос*: *Едут от венца, то дружка вперёд приходит к его родителям. Потом он едет с ним назад за женихом и невестой. Родители встречают с подносом и рюмочкой* (Том. Том.); *Все стряпка вынесет и поставит все на стол на больиущем подносе. Рюмки всех обнесет, все приготовили деньги на стол стряпке* (Том. Колп.). Тарелка использовалась для выкладывания на неё в основном денег, реже других предметов (в эпизоде выкупа невесты, во время выкупа пирога и его разрезания, выкупа блинов на тарелку выкладывались деньги, во время выкупа косы – выплетенные ленточки, перед венцом невеста демонстрировала выложенные сломанные иголки – свидетельство её трудолюбия и усердия): *Выкуп был. Платили за невесту. А как жа. От девушки кода поют, оне им на тарелки деньги кладут* (Том. Том.); *Назавтра теперь опять у жениха собираются. Она [невеста] подаёт тарелку, а ей деньги бросают* (Том. Пар.); *Вот тебе блин, а вот тебе рюмка. Выпьешь и вот уже клади им чё на тарелку, каки подарки, кто чё может, кто товар, кто деньгами* (Том. Колп.).

Вершининский словарь в толковании лексической единицы ТАРЕЛКА акцент делает на родовой характеристике и форме предмета обихода «столовая посуда с плоским дном и приподнятыми краями» [2. Т. 7. С. 31]. В характеристике этого предмета как вовлеченного в духовную сферу обряда необходим акцент на доминирующей семе «демонстрация», связанной с формой: ТАРЕЛКА. Столовая посуда с плоским дном, предназначенная для выкладывания на нее чего-л. с целью демонстрации (в разных обрядовых ситуациях).

Такие предметы-ёмкости, как *бутылка, горшок, кружка*, реализуют оппозиции *целое/дырявое, закрытое/полое* в вопросе о непорочности невесты и реализуют идею чести: *Тогда они готовят на печку горшки старые. Блины начнутся. Какой-то начнёт горшки с печки бить. Тут-то деньги бросают в черепки, а молодуха должна подмести всё* (Том. Том.); *Если самостоятельная (непорочная, девственница), то такую посудину хлестанут, а если не самостоятельна, то дырявые горшки* (Том. Мол.); *А после брачной ночи, если невеста худа, то родителей угощают из кружки с бездонным дном* (Том. Том.). Битье любой посуды в этом эпизоде свадебного торжества обозначало и благодарность коллектива родителям невесты за хорошее воспитание дочери, и подтверждение правильности действий по сохранению этических норм, в целом же подобное действие сохраняло семантическую доминанту чести: *Вот если заслужила [невеста], то разобьют посуду. Назавтра после свадьбы. Свахи разбивали. Если достойная девушка, значит, бьют. Если достойная девушка, значит, две свахи тут-ко хлещут* (Том. Том.).

Таким образом, лексические единицы, обозначающие предметы, традиционно относящиеся к сфере ма-

териальной культуры, наделяются в обряде амбивалентной (профанно-сакральной) семантикой, что необходимо учитывать при толковании значения данных слов как лингвокультурного феномена. Описание семантики обрядового слова должно показывать национально-культурную специфику наивной картины мира, «в сотворении и объективации которой участвуют и обрядовые слова» [4]. В область лингвокультурологического исследования обрядовых слов и устойчивых выражений вовлекается обширный корпус общерусских единиц, обозначающих вещный мир, которые не рассматривались ранее в числе культурно значимой лексики. В состав культуроспецифических единиц чаще всего относят лексемы, связанные с духовной сферой: душа, грех, совесть и др. Лингвокультурологическое описание обрядовых единиц учитывает семантическую периферию слова, не входящую в традиционную словарную дефиницию. В качестве основного приёма описания семантики обрядового слова используется лингвокультурологический комментарий [4]. Например, **ЯЩИК**. Вместилище четырехугольной формы обычно из досок, предназначенное для хранения одежды. Обязательный атрибут приданого невесты, содержание которого являлось показателем благосостояния невесты и её родителей: *Яшишк невесте родители собирают. Она всё себе тама-ка готовит. Яшишк повезут, смотрят тама, кака невеста, бедна* (Том. Зыр.); *Приезжают приданишки – мушишина и женишина. Яшишк принесут, а в нем – приданое. Начинат заправлять койку* (Том. Том.).

Традиционная культура, которую отличает экономичность в использовании репрезентативных средств,

формирует совокупности своих материально-духовных воплощений на принципах семантической ясности, очевидности для большинства представителей нации. Лингвокультурологический подход к постижению диалектики материального и духовного в крестьянском сознании обеспечивает возможность выхода на понимание сути этих воплощений. Так, *сундук* – это вместилище, закрытое от посторонних глаз, *самовар*, *названия пирогов, блюд на праздничном столе, изменения в наряде невесты* – знаки выхода из обыденности, *дружка* – человек, наделенный определенными качествами. Всё это – те культурные образы, в которых реализуются представления о праздничном, небудничном, магическом в рамках реалий крестьянского бытия. В системе «вещь – слово» осуществляется акт перевода профанного, бытового, материального назначения вещи в его духовную ипостась, которая к тому же способна расширять собственное смыслопорождающее поле и существовать автономно от исходной материальной природы. Этот перевод необходим, чтобы исполнить важнейшую функцию идентификации абстракций, освоения эталонных представлений об идеальном, незыблемом, стабильном, гарантирующем бессмертие социума на родовом уровне. «Для лингвокультурологии деление культуры на духовную и материальную не имеет смысла, поскольку связь языка и культуры опосредована сознанием, поскольку культура всегда одухотворена, даже если она обретает материальную плоть...» [7. С. 10]. Закрепленность абстрактных понятий за предметами обиходного мира гарантирует трансляцию этих универсальных опор через поколения, а консерватизм, неизменность крестьянского быта – их стабильная материальная база.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Томская область

Том. – Томский район.
Зыр. – Зырянский район.
Пар. – Парабельский район.
Карг. – Каргасокский район.
Кож. – Кожевниковский район.
Колп. – Колпашевский район.
Мол. – Молчановский район.
В-Кет. – Верхнекетский район.

Кемеровская область

Кем. Бел. – Кемеровская область, Беловский район.
Кем. Промышл. – Кемеровская область, Промышленный район.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстая С.М. Семантическая модель родства в славянском народном календаре // Славяноведение. 2002. № 1. С. 13–26.
2. *Вершининский словарь* / Под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998–2002. Т. 1–7.
3. Чулкина Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: лингвокультурологическое описание. М.: Изд-во РУДН, 2004. 256 с.
4. Банкова Т.Б. Профанное и сакральное в тексте сибирской свадьбы // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 314. С. 7–12.
5. Степанов Ю.С. Константы русской культуры. М.: Академический проект, 2001. 990 с.
6. Свешникова Т.Н., Цивьян Т.В. К функциям посуды в восточно-романском фольклоре // Этническая история восточных романцев (Древность и Средние века). М.: Наука, 1979. С. 147–190.
7. Алиференко Н.Ф. Язык – сознание – культура: проблемы взаимодействия // Язык и культура: III Междунар. конф. Киев, 1994. С. 3–10.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 28 июня 2008 г.